

УДК 821.161.1 Достоевский-31 + 82.091

ИДИОГЛОССЫ ДОСТОЕВСКОГО В ГРЕЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ

© *Ружицкий Игорь Васильевич*

доктор филологических наук, доцент,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
e-mail: contact@philol.msu.ru

© *Марулис Дионисиос*

кандидат филологических наук,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
e-mail: contact@philol.msu.ru

Логично предположить, что адекватность перевода текстов Достоевского, а также адекватность восприятия авторского мировоззрения, идейного содержания его произведений и т. д. будет зависеть от точности передачи на другой язык оригинальных идей автора, ключевых для писателя слов, характеризующих авторский идиостиль, идиоглосс. В статье показывается возможность использования Идиоглоссария Достоевского в качестве вспомогательного ресурса, позволяющего при передаче на другой язык значений идиоглосс опираться на те их оттенки, которые реализуются в текстах писателя. Предлагаемая в Идиоглоссарии дефиниция идиоглоссы даётся в соответствии с особенностями употребления слова в текстах Достоевского разных жанров и разных периодов творчества писателя. На примере идиоглоссы *надрыв* и её переводов на греческий язык делается вывод о неполном соответствии этих переводов приводимой в Идиоглоссарии дефиниции.

Ключевые слова: Достоевский; авторская лексикография; словарь языка писателя; идиостиль; идиоглосса; проблема перевода; комментарий; греческий язык.

Успех коммуникации определяется не только общим языком её участников, но и пресуппозицией — единым когнитивным пространством, в котором эта коммуникация осуществляется. Данное положение представляется особенно актуальным, когда мы имеем дело с межкультурным взаимодействием: именно в этом случае когнитивные помехи могут привести к серьёзным искажениям воспринимаемой информации. Большую роль в создании когнитивного пространства играют прецедентные тексты, через которые и посредством которых воспринимается носитель иной культуры, в частности, особенности его дискурса, в том числе интенциональные. Так, восприятие России и русских происходит на фоне уже сформированной благодаря чтению произведений русской классической литературы презумпции, и лидирующее место в этом отношении принадлежит фигуре Ф. М. Достоевского. Естественно, что иностранные читатели в подавляющем большинстве случаев знакомятся с Достоевским через переводные тексты, адекватность которых по сравнению с оригиналом всегда вызывает некоторые сомнения.

Идиоглосса — слово, характеризующее стиль писателя, своеобразный знак авторской манеры письма, является ключевым параметром Словаря языка Достоевского (см. [5, 6]), входом словарной статьи. Основой для объективного выявления идиоглоссы, т. е. для формирования словника, служит специально разработанная многошаговая процедура, включающая в себя (1) коллективное, в основном составителями Словаря, прочтение текстов Достоевского с установкой выделить предполагаемые идиоглоссы, т. е. своего рода метод экспертных оценок; (2) использование данных уже существующих исследований, посвящённых языку и творчеству Достоевского, в которых те или иные слова отмечаются как важные, характерные для стиля

или ключевые; (3) учёт вхождения слова в название произведения Достоевского; (4) фиксация определённых особенностей употребления слова в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма, автономное употребление слова, использование в составе игры слов, специфика гипотаксиса и паратаксиса и др.; (5) статистический анализ употребления слова в разных жанрах и в разные периоды творчества Достоевского; (6) апробация полученного списка идиоглосс посредством опроса других читателей Достоевского.

Ни один из вышеназванных этапов не может считаться самодостаточным, во внимание всегда принимается несколько факторов, позволяющих выявить у слова его идиостилевую статус (подробнее см. [4, с. 48]). В результате проведения данной процедуры составлен словник, список описываемых в Словаре идиоглосс, насчитывающий порядка 2 200 единиц, причём не обязательно высокочастотных лексем, ключевых для русской и не только русской языковой картины мира, таких как *время, вечность, человек, знать, думать* и т. п., но и низкочастотных слов, которые, тем не менее, отражают мировосприятие и стиль Достоевского — *всечеловеческий, всечеловек, общечеловек, крюк, муравейник, авось, обьедки, надрыв* и т. д.

Идиоглоссы характеризуются прежде всего следующими свойствами и функциями: отражают мироформирующие идеи автора, его картину мира; служат концентрированным выражением специфики языка и стиля писателя; функционируют как тезаурусобразующие понятия, являясь элементами субъективного авторского образа мира; образуют в тексте точки концентрации различных смыслов, вокруг которых формируются специфические текстовые ассоциативные поля, являются «центром притяжения» других лексических единиц, у них всегда есть семантические ассоциаты, например, различного вида повторы (синонимические, антонимические, конверсивы и т. д.), которые организуют вокруг себя определённым образом ориентированное ассоциативное пространство; выполняют по отношению к тексту роль ключевых слов, набор которых позволяет воспроизводить в свёрнутом виде его содержание; в своей совокупности представляют лексический строй идиолекта (см. [2, с. XXXIV–XXXV]); выполняют когнитивную функцию в тексте, что иллюстрируется возможной фиксацией идиоглоссы в различных рубриках словарной статьи Идиоглоссария, прежде всего в таких зонах комментария, как автономное употребление слова, его использование в составе суждения, обладающего свойствами афоризма, в составе чужой речи и др. Все эти показатели идиоглоссного статуса слова находятся в тесной взаимосвязи.

Предлагаемая в Идиоглоссарии дефиниция идиоглоссы даётся в соответствии с особенностями употребления слова в текстах Достоевского разных жанров и разных периодов творчества писателя, при этом, естественно, используется и материал существующих толковых словарей русского языка. Кроме того, значение идиоглоссы эксплицируется в 16 зонах комментария словарной статьи, являющегося исключительно лингвистическим, не интерпретационным.

Логично предположить, что адекватность перевода текстов Достоевского, соответственно, адекватность восприятия авторского мировоззрения, идейного содержания его произведений и т. д. будет в первую очередь зависеть от правильности перевода на другой язык этих ключевых для писателя слов. Идиоглоссарий Достоевского, таким образом, может стать для переводчика вспомогательным инструментом, позволяющим при передаче на другой язык значений идиоглосс опираться именно на те их оттенки, которые реализуются в текстах писателя.

Приведём один, но весьма показательный пример — особенности передачи смысловых оттенков идиоглоссы *надрыв* в переводе романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» на греческий язык.

Идиограмма *надрыв* выбрана нами не случайно: именно это слово часто относят к разряду непереводаемых. «Слово *надрыв* принадлежит к числу наиболее ёмких, выразительных, укоренённых в русской культуре и потому плохо поддающихся переводу. В этом слове, помимо идеи напряжения всех сил, есть и некое мазохистское самолюбование, и истерическая исповедальность» [3]. Несмотря на многие, вне всякого сомнения правильные интерпретации значения этого слова, приводимые И. Б. Левонтиной, эти часто метафорические толкования — «*душевный надрыв* связан с представлением о надрывном, нутряном кашле и с пониманием надрыва как прорехи. Внешняя оболочка расплывается, сквозь прореху зияет нутро, и окружающие смущённо отводят глаза», «*надрыв* описывает неконтролируемый эмоциональный выплеск и/или выражение форсированных, искусственных эмоций. В первом случае человек просто привлекает на свет слишком глубоко запрятанные, интимные чувства, с пугающей откровенностью обнажая то, чему надлежит оставаться сокровенным. Во втором — человек так успешно предаётся самокопанию, что может найти в своей душе то, чего в ней во все или почти нет. Поэтому с надрывом часто выражаются мнимые, непомерно преувеличенные или искажённые чувства, что граничит либо с фальшью, либо с гротеском» [3] — вряд ли могут послужить руководством для переводчика данной идиограммы на другие языки. Не помогают в этом случае и переводные словари.

Обратимся к Словарю языка Достоевского, в котором даётся следующая дефиниция слова *надрыв*: «болезненность, экзальтированность, неестественность в проявлении каких-либо чувств, эмоций или при совершении какого-либо поступка» (см. приложение к [6]), при этом указывается на то, что большая часть употреблений приходится на произведения художественной прозы (23 раза из 30), причём, как видно из словоуказателя, приводимого в словарной статье, 20 употреблений — в романе «Братья Карамазовы», в котором, собственно, *надрыв* и приобретает идиограммный статус, «обрастая» авторскими смыслами, что фиксируется в примечаниях к словарной статье, расширяющих исходную дефиницию: «Особый смысл, раскрываемый в широком контексте, идиограмма *надрыв* приобретает в романе “Братья Карамазовы”: это неестественно преувеличенные, искажённые чувства и эмоции, граничащие с ложью, а также возникающие от злобы или из желания отомстить» [6].

Обратимся к переводу последнего романа Достоевского на греческий язык (см. [7]) и рассмотрим, насколько точно передаются компоненты значения, выделенные в данных дефинициях. Отметим, что взятый нами для анализа перевод романа, сделанный Александром Арисом, является из всех имеющихся наиболее точным, поскольку он, в отличие от других, был сделан с оригинала, с русского языка; остальные интерпретации «Братьев Карамазовых» являются переводом с французского или английского языков, т. е. перевод на греческий становится уже даже не вторичным текстом.

Проанализируем следующие контексты:

(1) [Хохлакова А. Карамазову] *«И если бы вы только поверили, что между ними [И. Карамазовым и Катериной Ивановной] теперь происходит, — то это ужасно, это, я вам скажу, надрыв, это ужасная сказка, которой поверить ни за что нельзя: оба губят себя неизвестно для чего, сами знают про это и сами наслаждаются этим»* [1, с. 165].

(2) «Слово “надрыв”, только что произнесённое госпожой Хохлаковой, заставило его [А. Карамазова] почти вздрогнуть, потому что именно в эту ночь, полупроснувшись на рассвете, он вдруг, вероятно отвечая своему сновидению, произнёс: “Надрыв, надрыв!”» [1, с. 170].

(3) *«Теперь вдруг прямое и упорное уверение госпожи Хохлаковой, что Катерина Ивановна любит брата Ивана и только сама, нарочно, из какой-то игры, из*

“надрыва”, обманывает себя и сама себя мучит напускною любовью своею к Дмитрию из какой-то будто бы благодарности, — поразило Алешу: “Да, может быть, и в самом деле полная правда именно в этих словах!”» [1, с. 170].

В греческом переводе:

(1) «Και να ξέρατε τι συμβαίνει τώρα αναμεσά τους, ω, είναι τρομερό, σας το λέω, είναι ένας σπαραγμός, μια τρομερή ιστορία, απίστευτη: αυτοβασανίζονται και οι δυο τους, άγνωστο γιατί, το ξέρουν και οι ίδιοι και το απολαμβάνουν!» [7, с. 40]. Дословно: «И если бы вы просто знали, что сейчас происходит между ними, о, это ужасно, я вам говорю, это мучение, ужасная, невероятная история: они оба давят на себя, неизвестно, почему они оба знают это, но наслаждаются этим!»

(2) «Η λέξη “σπαραγμός”, που μόλις πριν από λίγο είχε προφέρει η κυρία Χοχλάκοβα τον έκανε σχεδόν ν' αναπηδήσει γιατί εκείνη ακριβώς τη νύχτα, καθώς μισοξύπνησε την αυγή, πρόφερ κι αυτός ξαφνικά απαντώντας, καθώς φαίνεται, στ' όνειρό του: “σπαραγμός, σπαραγμός”!» [7, с. 50]. Дословно: «Слово “мучение”, которое только сказала госпожа Хохлакова, заставило его чуть не подпрыгнуть, потому что в ту ночь, когда он проснулся на рассвете, он также неожиданно сказал ответив, как кажется, в своём сне: “мучение, мучение”».

(3) «Τώρα η αναπάντεχη και θετική διαβεβαίωση της κυρίας Χοχλάκοβα πως η Κατερίνα Ιβάνοβνα αγαπάει τον Ιβάν και πως μονάχη της, επίτηδ ες, για κάποιο λόγο, “σπαράζει και ξ εσκίζε ι την καρδιά της”, ξ ε γ ελά ε ι τον εαυτό της, βασανίζετα νομίζοντας πως τάχα αγαπάει τον Ντιμήτρι ενώ στην πραγματικότητα δε ν αισθάνεται γι' αυτόν τίποτα άλλο από ευγνωμοσύνη, έκαν μεγάλη εντύπωση στον Αλιόσα» [7, с. 50]. Дословно: «Теперь неожиданная и позитивная уверенность г-жи Хохлаковой в том, что Катерина Ивановна любит Ивана и что она сама “разбивает и поражает своё сердце”, думая, что любит Дмитрия, хотя на самом деле она испытывает к нему лишь благодарность, произвело на Алеса огромное впечатление».

Во всех случаях для перевода слова *надрыв* используется греческое *σπαραγμός* — ‘горе, мучение, разбитое сердце, война’, никак не реализующее такие принципиально существенные компоненты значения, как ‘неестественность, ложь, злоба, болезнь, желание отомстить’, зафиксированные в Идиоглоссарии Достоевского. Примерно так же обстоит дело и с другими проанализированными нами переводами идиоглосс Достоевского — *авось, объедки, общечеловек, всечеловеческий* и т. д. В результате таких далеко не точных переводов ключевых слов, идиоглосс, авторское мировосприятие, видение Достоевским человеческой психологии представляется греческому читателю в сильно искажённом виде. Избежать такого рода дефектного понимания, на наш взгляд, помогает использование Словаря языка Достоевского в качестве вспомогательного для переводчика его текстов инструмента.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1972–1990. 508 с.
2. Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. первый. Предисловие. М.: Азбуковник, 2001. С. IX–LXIV.
3. Левонтина И.Б. «Достоевский» надрыв // Wiener Slawistischer Almanach. 1997. Bd. 40. Wien, 1997. URL: <https://zotych7.livejournal.com/616710.html> (дата обращения: 14.02.2019)
4. Ружицкий И. В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: монография. М.: ЛЕКСРУС, 2015. 543 с.
5. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В) / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008. 962 с.

6. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Н–По) / под ред. Ю. Н. Караулова; науч. ред. И. В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2017. 835 с.

7. Φιοντόρ Ντοστογιέφσκι, Αδελφοί Καραμάζοφ; μτφρ. Άρης Αλεξάνδρου. Γκοβόστης, Αθήνα, 1990.1431 с.

DOSTOEVSKY'S IDIOGLOSSAS IN GREEK TRANSLATIONS

Igor V. Ruzhitsky

doctor of Philology, Associate Professor

Moscow State University named after MV Lomonosov

1, bld. 51, GSP-1, Leninskiye Gory Str., Moscow, 119991, Russia

Marulis Dionisios

candidate of Philology

Moscow State University named after MV Lomonosov

1, bld. 51, GSP-1, Leninskiye Gory Str., Moscow, 119991, Russia

It is naturally to assume that the adequacy of Dostoevsky's texttranslation, as well as the adequacy of the author's worldview, the ideological content of his worksperception and so on will depend on the correctness of the key words, characterizing the author's idiostyle, idioglossas, translation into another language. The article shows the possibilitiesof Dostoevsky's Idioglossary using as a secondary source, which allows for the translation into another language to transfer the idioglossas shades of meanings which are explicitated in the texts of the writer. Proposed in Idioglossary definition of idioglossa is given in accordance with the characteristics of its use in Dostoevsky's texts of different genres and from different periods of the writer's creativity. As an example idioglossa *nadryv* and its translation into Greek is analyzed and the conclusionabout partial accordance of these translationswith the definition given in Idioglossary is made.

Keywords: Dostoevsky, author's lexicography; writer's language dictionary; idiostyle; idioglossa; the problem of translation; comment; Greek language.